Стив хрипел, словно задыхаясь, кашель вырывался из его груди короткими, рваными звуками. Мать, сидящая рядом, нежно поглаживала его по спине, шепча успокаивающие слова, пока приступ не прошел. Он слабо улыбнулся ей, но в ответ получил лишь натянутую гримасу. — Стиви, ты должен прекратить, — сказала она, усталость прозвучала в ее голосе. — Ты не можешь так жить.— Мама, я не виноват… — начал Стив, но его слова прервались.— Прекрати! — перебила она, поднимая руку и сурово глядя на него. — Ты не можешь продолжать драться, Стив. Ты не можешь.— Но они же хулиганы, мама. Что я должен делать? Просто позволить им победить? — глаза его наполнились слезами, отчаянием и болью от недавней драки, отпечатавшейся на его слабом, хрупком теле.— И как же это, — она жестом указала на него, все еще борющегося за воздух, — победа? О, милый, я понимаю, как беспомощным ты себя чувствуешь, но ты не можешь так жить. Ты убьешь себя или серьезно ранишься, и я не смогу тебе помочь. Мы не можем позволить себе еще одну поездку в больницу, Стиви, мы и так едва сводим концы с концами. Пожалуйста, просто… постарайся понять.Он не понимал. Не понимал, как он может просто забыть об этом — или почему он должен это делать. А его мать, похоже, не понимала, что он должен постоять за себя, должен доказать им (себе), что он не хуже их, что это дурацкое тело не определяет его ценность. Он не позволит. Но он все равно кивнул, не желая расстраивать мать.В следующий раз, когда он подрался (это произошло всего через несколько дней), он неуклюже упал на спину, сломав два своих и без того хрупких ребра. Мать потратила все свои сбережения на лечение, ей пришлось пропустить много рабочих дней, чтобы ухаживать за ним. В итоге она потеряла работу, их выселили из квартиры. Когда они скитались по улицам, выпрашивая у прохожих подаяние, чтобы не умереть с голоду, его мама смотрела на него с болью и отчаянием. — Почему ты не мог просто послушать меня, Стиви? — шептала она, словно обвиняя его в их беде.Попасть в армию и сражаться за свою страну — это была единственная мечта Стива. Он слушал рассказы матери о его отце, о том, как тот храбро сражался на войне (и погиб), и хотел быть похожим на отца, которого никогда не знал. Поэтому он записался в армию, полный энтузиазма, уверенности в себе и желания служить своей стране. Ему отказали. Он в ужасе уставился на бумагу, хотя какая-то часть его ожидала такого исхода — Баки сказал ему, что, скорее всего, так и будет, но Стив надеялся. И вот теперь эта надежда исчезла. Отказано. — Ты недостаточно силен, — сказал ему офицер. — Нам нужны трудоспособные мужчины. Стиву захотелось заплакать, но это было признаком слабости, а он не был слабым — ни в мыслях, ни в убеждениях, ни там, где это имело значение. Через несколько дней, зализывая раны, он решил попробовать еще раз. Может быть, на другом призывном пункте ему повезет больше. Повсюду висели плакаты о наборе, стране нужны были бойцы, наверняка кто-нибудь даст ему шанс. Он стоял возле офиса и смотрел, как мужчины — большие, сильные мужчины — входят и выходят с зеленым штампом на бумаге. Один из них оглядел его, пробежался глазами по миниатюрной фигуре Стива и улыбнулся. — Похоже, ты не пойдешь на войну, а, креветка? — усмехнулся он.Стив покраснел. Он хотел ударить мужчину, но тот отошел прежде, чем у него появилась такая возможность. Как он посмел намекнуть, что Стив недостаточно хорош? Он был хорош! Он был сильным и хорошим — мама всегда говорила ему об этом. Он расправил плечи и пошел внутрь. Он солгал в анкете. Он знал, что технически это неправильно, но он должен был попытаться, должен был доказать всем (самому себе), что он такой же хороший, как и все остальные. Ему снова отказали. В третий раз его поймали. Врач, который его принимал, был добр, но предупредил, что у него будут неприятности, если он будет продолжать врать в анкетах, пытаясь попасть в школу. — Уверен, есть и другие способы помочь, — сказал он, и Стив сжал руки в кулаки. Он был мужчиной, сыном своего отца, он должен был быть достаточно сильным. Он должен был. Его не отправят работать на фабрику, он должен быть лучше. В четвертый раз его тоже поймали, и ему пришлось заплатить штраф. — Вы не годитесь для военной службы, — сказал офицер. — Вы только подвергаете опасности окружающих. Попробуешь еще раз — отправишься в тюрьму. Стив отвесил себе челюсть и вышел. Баки уже сражался. Он должен был найти способ присоединиться к нему. В пятый раз он отправился в Нью-Джерси, чтобы подать заявку. В итоге он оказался в тюрьме.

Стив ненавидел турне USO. Презирал его. После всего, что он сделал, через что прошел, чтобы доказать, что достоин, его заставляли выступать, как обезьяну в цирке. Это было несправедливо. Он сделал все это не для того, чтобы попасть в армию, а для того, чтобы оказаться в роли балаганной девчонки. Поэтому, когда он услышал, что отряд Баки попал в плен, он понял, что должен пойти и спасти его. Баки всегда прикрывал его, и Стив не мог бросить своего друга. Но только не сейчас, когда он действительно мог что-то сделать, был достаточно силен, чтобы внести свою лепту. Он убедил Говарда и Пегги помочь ему, когда Филлипс отказался дать ему разрешение на поездку. Он был Капитаном Америкой, он был солдатом, а не циркачом. Не для этого ли ему изначально ввели сыворотку? Он больше не позволит глупым политикам издеваться над собой. Сражение в изоляторе стало самым ярким событием в его жизни, и он вышел из него триумфатором, как и знал. Он, Баки и все остальные солдаты маршировали обратно в лагерь, смеясь и распевая, радуясь победе и свободе. У входа его встретили полковник Филлипс и несколько офицеров с оружием наизготовку. Ему велели встать на колени и сдаться. — Что? Я спас всех этих людей! — воскликнул он, все еще наслаждаясь победой.— Вам не давали на это разрешения. Это армия, а не твоя личная игровая площадка. Здесь есть правила, которым нужно следовать, и если ты не можешь этого сделать, значит, ты нам не подходишь, — холодно произнес Филлипс.— Но я получил сыворотку. Какой в ней смысл, если я ее не использую? — Стив стоял на своем, когда солдаты приблизились к нему.— То, что ты получил сыворотку, не означает, что ты можешь делать все, что захочешь. И мне грустно говорить, что давать ее тебе было явной ошибкой, — ответил Филлипс, его взгляд был полон разочарования.Стив отшатнулся назад, словно пораженный. Нет, это не было ошибкой. Он был хорошим человеком, поэтому его и выбрали. Потому что он был достоин. — Вы арестованы за неподчинение старшему по званию и самовольное отсутствие, — произнес Филлипс, его голос звучал бесстрастно. — Но я сделал доброе дело. Послушайте, — в отчаянии он снова указал на группу солдат, — — Это не имеет значения. Вы явно не умеете выполнять приказы и, очевидно, считаете, что ваши действия не имеют последствий. — Мне нужен солдат, который знает свое место и чтит воинский порядок, а не самозванца, считающего себя выше всех, — бросил полковник Филлипс, повернувшись к строю. — Уведите его.Стив стоял ошеломленный, словно ударенный молнией. Этого не могло быть! Он ведь сделал все правильно, спас Баки и весь отряд, он был настоящим героем. После всего, что он пережил, после всех испытаний, его путь не мог закончиться таким позорным образом. Не мог! Но это было так. Он ненавидел эти бесконечные выступления перед солдатами, эти показушные шоу, унизительные, как для него, так и для самого понятия героизма. После всего, что он сделал, после всех испытаний, через которые он прошел, чтобы доказать свою ценность, его заставляли плясать под дудку политики, словно обезьяну в цирке. Это было несправедливо, оскорбительно. Он отдал всего себя, свою жизнь, чтобы стать защитником своей страны, а не балаганной куклой для развлечения. Именно поэтому, когда он узнал, что отряд Баки попал в плен, он не мог оставаться в стороне. Баки всегда был его верным другом, его щитом, и Стив не мог бросить его в беде. Он был Капитаном Америкой, солдатом, а не циркачом, и он был готов пойти на все, чтобы спасти своего друга. Он убедил Говарда и Пегги помочь ему, когда Филлипс отказался дать разрешение на операцию по спасению. Он был Капитаном Америкой, он был солдатом, а не циркачом. Не для этого ли ему ввели сыворотку? Он больше не позволит глупым политикам издеваться над собой. Сражение в изоляторе стало его триумфом, его победой. Он, Баки и все остальные солдаты маршировали обратно в лагерь, смеясь и распевая песни, ликуя от победы и свободы. У входа их встретил полковник Филлипс в окружении офицеров, с оружием наготове. — Что? Я спас всех этих людей! — Стив, все еще пребывающий в эйфории победы, не понимал, что происходит. — И из-за твоей глупости Говард Старк мертв. Агент Картер, скорее всего, тоже скоро умрет, — бросил Филлипс, его голос был полон ярости.Стив покраснел, словно от удара. — Что? Нет! — А что, по-твоему, произошло, когда они залетели на вражескую территорию, полный идиот?! Их самолет был сбит! — Филлипс, весь красный от ярости, почти задыхался. — Уведите его! — рявкнул он, его взгляд был полон

презрения. Остальные солдаты, те, кого он спас, смотрели на него с недоумением, с ужасом. Баки в растерянности уставился на него, его взгляд был полон боли.— Стив, что ты наделал? — прошептал он, не веря своим глазам.Стив не успел ничего сказать, как на него надели наручники и повели к машине. Из своей тюремной камеры он слышал, как плохо идут военные действия. Потеря Говарда Старка, его денег и оружия постоянно отмечалась как одно из худших поражений союзников.

http://tl.rulate.ru/book/107561/3911926